

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ЗОНА МОЛЧУНОВ

ПЕРВАЯ ТИШИНА

ТОМ I

Зона молчунов

Валерий Гуров

Первая тишина. Том 1

«Автор»

2026

Гуров В.

Первая тишина. Том 1 / В. Гуров — «Автор», 2026 — (Зона молчунов)

Сначала люди начали шептать: «тише». А потом — убивать за любой звук. Никто не понял, что произошло. Привычный мир рухнул за считанные часы. Так началась Первая тишина. Сергей Логинов попал в 2026 год из 1999-го — прямо в первый день катастрофы. Вокруг хаос, кровь и обезумевшие люди, а в полицейских базах он числится мертвецом. Только Первая тишина его не берёт. Теперь Сергею нужно выжить, спасти тех, кто ещё держится, и найти того, кто запустил катастрофу. Потому что Первая тишина не случайность. И тот, кто её запустил, опаснее молчунов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Гуров

Первая тишина. Том 1

Глава 1

Девятнадцать минут и две секунды...

Расчёт в голове сложился мгновенно. Ходьба была быстрая, пусть мы и петляли вокруг дождевых луж. А значит, мы делали не меньше ста двадцати шагов в минуту.

Это порядка двух километров пройденной дистанции при средней длине шага с моим ростом...

Для понимания — столько мы шли до военного аэродрома в Батайнице, и вовсе не потому, что ближе не было дороги. Всё-таки аэродром не тайга.

Когда тебя высаживают «чуть в стороне» в делах такого уровня — значит, так нужно. Вопрос — кому?

Вывод был неутешительный и наталкивал на нехорошие мысли. Времени и расстояния было достаточно для перехвата, если знаешь точку вылета. Косвенно к выводу подталкивал чёрный дым, застилающий горизонт.

Но «пугать» своих спутников выводами я не спешил. Чёрт его знает, что сидело в голове у Миши, который шёл, даже не обходя лужи. Или у Сани, который то и дело смотрел на небо, где оставались следы от полётов натовских самолётов.

Но узнать было бы не лишним, а для этого следовало натолкнуть их на мысль. Потому, когда Макс стянул с головы чёрную шапку, я гулко выдохнул, переключая на себя внимание.

— Фух... Чего нас так далеко высадили? — поинтересовался я, поправив автомат на плече.

Ответа не последовало.

Но и мы наконец подошли к самолёту.

Ил-76 стоял в стороне. Чёрт его знает, как положено на военном аэродроме, но по логике «гражданки» отдельно ставят либо самое ценное, либо... ненужное. Истребители югославских ВВС при этом кучковались в сторонке.

Я смотрел на периметр. Слишком мало суеты для аэродрома под бомбёжкой. Но рампа уже была опущена, и ящик тянули внутрь. От взгляда не ушла реакция Миши: без него погрузку начинать не должны были, но начали.

Значит, ребята торопились, хотя лётчик не выглядел напряжённым.

Я не первый раз шёл с этими парнями. И не на показ. Каждый из них уже вытаскивал операцию из дерьма, где другие бы списали всё в потери. Им я доверял. Почти так же, как собственному расчёту. А это для меня многое значило.

Миша первым подошёл к нему, чтобы показать документы на сопровождение особого груза, и, быстро отстрелявшись, отправился контролировать погрузку. Следующим подошёл наш белорус.

— Вы? Корзун? — спросил его один из членов экипажа, всматриваясь в документы.

Я не расслышал, что ответил Саня, — в процессе погрузки установки в грузовой отсек зазвенели стропы. Товарищи на погрузке всё же не разделяли невозмутимости летуна и торопились.

Пока грузили, Саня закончил общаться с проверяющим, и я сунул тому свои документы. Тот начал сверять мою физиономию с фотографией в пропуске, а я перевёл взгляд на горизонт, где со стороны Белграда тянуло дымом.

Бомбили нещадно, и, как всегда, когда дело касалось «дяди Сэма», никто не мог объяснить толком, какого чёрта Штатам вообще надо на другой половине земного шара.

Впрочем, объяснять ничего не требовалось — всё зло в мире из-за денег и женщин. А как я слышал, многие в звездатой армии к женщинам относились прохладно.

— Проходите, — проверяющий вернул мне документы.

Я не спешил подниматься на борт, приметив, как в небе пролетел американский ДРЛО. Фактически всё, что поднимается в воздух, фиксируется заранее. И если наш борт поднимается, значит, его либо допустили, либо уже отметили как цель.

Впрочем, сам факт, что мы везём это сейчас, в этих условиях, означал, что наши уверены, что окно ещё есть. А если окна нет... значит, груз не должен долететь.

Макс уже о чём-то разговаривал с летуном, а я перевёл взгляд на серый кожух ящика. Замки на нём были самые простые. На таком обычно не экономят на мелочах... значит, настоящая защита не в замках. Штуковина, лежащая внутри, заставляла испытывать гордость за страну. Дуся, блин, как ласково называл её Миша.

Зайдя внутрь, я устроился на откидном сиденье вдоль борта. Командир сказал, что запускаемся через двадцать минут.

Время было — Макс возился с ящиком, обмениваясь полушутливыми репликами, а я крепко задумался.

Двадцать минут? Совпадение? Возможно. Но когда сирена завывала раньше, чем истекло заявленное время, я отметил это как точку пересечения графиков. Нашего — и чужого.

Второй пилот, кстати, всё такой же уверенный, выглянул из двери, ведущей к кабине...

— Парни! Быстро по местам! Взлетаем! Держитесь крепче, будем прорываться.

Воздушная тревога, братцы! Такие вот дела...

Рампа закрывалась, двигатели запускались по очереди. Ил оживал тяжело, уверенно. Внутри стало глуше, будто отрезали внешний мир. Но для меня внешний мир никуда не делся.

Сирена выла. Сербь сорвались в укрытия. Это нормальная реакция. Ненормально было другое — удар по складам ГСМ пришёлся почти синхронно с подготовкой к нашему взлёту. Слишком точное совпадение для случайности.

— Вот, суки! Снова накрывают, — крикнул Миша.

Мы начали рулить. Дым накрывал аэродром... но отменять полёт никто не собирался. Боковым зрением я заметил, что Макс пошёл в кабину лётчиков.

Самолёт разгонялся тяжело. Я слышал взрывы, и складывалось впечатление, что взлётную полосу пытались вывести из строя. Бахало вот тут, рядом, так что вибрировал борт. Похоже, цель этих ударов была не сбить наш самолёт, а сорвать старт.

И действительно, взлетать пока не получалось.

— Не хотели нас пускать, — послышался голос вернувшегося Макса. — Только разве ж нас удержишь, да?

Вспышка справа, удар пришёлся по краю полосы. Ил повело, но командир удержал. Хорошая работа.

Я отметил другое: если бы задача была уничтожить нас любой ценой, били бы иначе. Но то ли ещё будет?

Вибрация всё же начала исчезать, и я почувствовал лёгкий крен — мы взлетали.

— Чёрт, давай же! Ну! — выпалил я, когда самолёт трянуло.

— Есть отрыв!

— Уходим! Хрен вам!

Мужики тоже выпускали пар. Я поймал на себе взгляд Макса.

— Макс, если что, коды у меня, — шепнул я. — На уничтожение. Но... сам понимаешь, что будет, если... бах.

— Если собьют, коды уже не понадобятся, — покачал он головой. — Топлива под завязку.

— Ух... Макс... пожить ещё хочется.

— А помирать нам рановато, — улыбнулся он.

— Есть у нас ещё дома дела... — закончил фразу Миша.

Я же заметил, как справа появился МиГ-29 сопровождения. Вовремя, потому что где-то снаружи снова грохотало от взрыва.

Высота росла медленно, но я уже ощущал, как закладывает уши.

— С-сук! Только бы выйти из зоны и набрать безопасную высоту, — озвучил Миша общие мысли.

И с этими словами самолёт дёрнуло... нас тотчас разбросало по борту. Удар пришёлся в хвост, откуда послушался свист воздуха через пробоину, вибрация пошла по полу.

— Пробоина! — крикнул Саня, хватаясь за стропу.

Следом стало понятно, что мы снижаемся. Самолёт будто потянуло вниз передней частью. Пахнуло гарью, и Ил взвыл... одновременно начав вибрировать так, что я клацнул зубами. Макс бросился к авиационно-десантному оборудованию и схватил гарнитуру, выходя на связь с экипажем.

— Что там у вас?

Я же мысленно отрезал «лишнее». Под нами были горы. Посадочной площадки нет... и парашютов здесь я тоже не наблюдал.

— Парашютов нет, Максим Саныч! Приказ потому что... груз держим... до конца... Скажи ребятам... — эти слова из динамика я расслышал чётко.

Я посмотрел на ящик. Теперь нам оставалось идти до конца, груз был слишком важен и слишком опасен. Вероятность того, что его хотели оставить здесь, на Балканах, была отнюдь не нулевой.

Но куда больше меня интересовало другое — кто знал точное время взлёта и маршрут?

Шум изменился.

Я сначала подумал на резонанс корпуса при снижении. Но звук теперь шёл не от хвоста и даже не от двигателей. Он шёл... из центра грузовой кабины. Под серым кожухом Дуси проступил свет. Макс тоже смотрел на ящик.

— Твою ж... Макс... ты это видишь? — выдохнул я и перевёл взгляд на Мишу. — Что за на-а?..

Я хотел уточнить, должен ли идти свет от вещи, которую просто перевозят. Особенно если она должна быть выключена. Но Миша смотрел на ящик округлившимися глазами... вот тебе и ответ.

Установка активировалась сама по себе. Это либо аварийная реакция, либо внешнее воздействие. Второй вариант мне нравился меньше. Но в любом из этих вариантов инструкция подразумевала использование кодов...

— Врубаю коды самоликвидации... — крикнул я, отталкиваясь от стены и бросаясь к ящику.

Вот только в следующий миг свет резанул по глазам, заставив меня попятиться. Резануло как от сварки.

И... всё оборвалось.

— Тише... тише... тише... — шипел кто-то совсем рядом.

Я слышал слова сквозь мутное сознание, и это шипение возвращало меня к реальности раньше, чем боль. Я приходил в себя медленно, словно всплывал с глубины. Сначала вернулся запах — тяжёлый, затхлый, бетонный. Потом холод. Щека лежала на голом полу, и бетон тянул тепло из кожи.

Я не открывал глаза сразу. Считал, потому что считать проще, чем думать, и это заставляет работать голову.

Раз. Два. Три.

Когда веки всё же поднялись, свет ударил резко и безжалостно. Под потолком висел чёрный купол камеры наблюдения, а рядом — светодиодная лампа, одна из которых была разбита. Осколки рассыпались по полу и холодно блестели. Стены бетонные, но краска свежая, без облупленных пятен и надписей. Решётка сварная какая-то, что ли, аккуратная...

Взгляд замер на бутылке на полу. Пластиковая, с вылизанным дизайном и надписью «Черноголовка. Cola»... Мелькнула мысль о несоответствии, но не успела толком оформиться. Голова болела, как после сильного удара или перегруза, и я осторожно шевельнул плечом, проверяя, слушается ли тело. Какой-то мужик справа вздрогнул так, будто я выстрелил.

— Тише... тише... тише... — снова зашипел он, прижимая подбородок к груди.

Я замер и прислушался. Вокруг было слышно дыхание нескольких человек. Вдохи неровные, сдержанные, будто каждый боялся сделать лишний звук. Людей, судя по всему, было много, но никто не разговаривал.

Где я? И что, чёрт возьми, происходит??

Последнее, что я помнил, — это высота. Вспышка. Резкий крен. Падение... Та высота, при которой шансов выжить не бывает вообще. Ни одного. Я слишком хорошо знал цифры, чтобы верить в чудеса. И всё же я лежал на бетонном полу, дышал, чувствовал холод, боль и свет.

Я снова едва заметно пошевелился, и мужик рядом снова дёрнулся. Его реакция была слишком резкой для обычного испуга. Он шипел своё «тише» так, будто это было единственным способом удержать мир от чего-то страшного.

В воздухе висело напряжение. Люди были рядом, я слышал их, но в этой камере стояла такая тишина, будто каждый боялся нарушить невидимое правило. И это правило явно касалось звука.

Хм...

Я пошевелился, и из груди невольно вырвался стон. И едва это произошло, как в напряжённой тишине прорезался новый звук — сухой шорох подошв по бетонному полу. Он был осторожным, почти крадущимся, но в замкнутом пространстве камеры слышался отчётливо. Кто-то шёл. И шёл именно в мою сторону.

— Тише... тише... тише... — повторялось ближе, почти над ухом.

Я не повернул головы. Только боковым зрением отметил движение. Внизу, возле моей руки, лежал осколок от разбитой потолочной лампы. Узкий, вытянутый, с острым краем. Я медленно, почти лениво, будто просто менял положение тела, подвинул ладонь и накрыл стекло пальцами. Поднял.

Стекло было липким.

Я скользнул глазами по кромке. Кровь... не моя. Тонкая тёмная плёнка уже начала подсыхать по краю.

Тот, кто подкрадывался, дышал рвано, как после бега или истерики. И каждый раз, когда в камере раздавался хоть малейший шорох, он вздрагивал и шептал своё «тихо», будто пытался задушить звук в зародыше.

Я понял, что он уже совсем близко.

— С-сука... — прошипел я сквозь зубы, намеренно, чтобы замаскировать движение руки с осколком.

Реакция была мгновенной.

Он сорвался в атаку, схватил меня за шиворот, пальцы вцепились в ткань с неожиданной силой.

— Заткнись на хер, закрой свою вонючую пасть...

Он не договорил.

Я уже поднял руку, и острый край стекла упёрся ему под челюсть, прямо в мягкое место у сонной артерии. Точно и достаточно глубоко, чтобы он почувствовал границу.

— Не спеши. Успеешь, — процедил я.

Передо мной оказался мужик лет сорока с лишним, с землистым лицом и воспалёнными глазами. Он замер. Рука по-прежнему держала меня за шиворот, кулак был занесён для удара, но остановился в замахе. Я видел, как в его горле под стеклом бьётся пульс.

Он чувствовал острие. И понимал, что одно неловкое движение — и порежется сам.

Мы замерли так близко, что я ощущал его дыхание на своём лице. Оно было горячим и сбивчивым. Мужик не отводил глаз, в них застыла какая-то болезненная, изматывающая раздражённость, словно звук, который я издал, причинил ему физическую боль.

Кулак всё ещё висел в воздухе. И только тонкая полоска стекла между нами не давала ему завершить движение.

Стекло оставалось у его горла ровно настолько, чтобы он чувствовал границу, но не чувствовал паники. Паника в тесном помещении — это всегда цепная реакция, а мне сейчас была нужна управляемость и... да, чёрт возьми, тишина. Так что, думаю, мы сумеем договориться.

Я смотрел ему в глаза и видел в них выжженное раздражение и усталость. Мужик явно давно не спал. Лицо у него было болезненное, сероватое, губы пересохшие, а в уголках глаз дрожали мелкие нервные тики.

Его плечи медленно опустились, будто он показывал: я не лезу. Рука всё ещё держала меня за шиворот, но хватка уже не была такой жёсткой.

— Руку убрал, — зашипел я сквозь стиснутые зубы. — Покажешь, где дверь и кто главный, и я замолкаю и не трогаю тебя.

Он морщился, но не от страха... от звука. Мысль пришла холодным осознанием. Слова, даже тихие, будто резали ему виски. Я видел, как мужик едва заметно дёргается при каждом шёпоте, словно звук причинял физическую боль. Пальцы свободной руки поползли к вискам, он сжал голову ладонью.

— Шёпотом... — выдохнул он, почти умоляюще. — Просто молчи...

— Руку убрал от меня, — повторил я.

Он скривился сильнее. Было видно, что дело не в самих словах. Мужика будто раздражали не они, а сам факт колебания воздуха.

Он медленно разжал пальцы на моём воротнике. Кулак опустился. Я оттолкнул его от себя ровно настолько, чтобы между нами появилось расстояние. Стекло оставалось в моей руке.

Он зашептал торопливо, сбиваясь, будто боялся, что я снова что-то скажу.

— Я уберу руку... я вообще сделаю всё, что ты хочешь... только заткнись, пожалуйста, на хрен, сиди молча... иначе я за себя не ручаюсь...

Пальцы, теперь уже обеих рук, снова вжались в виски, он сжал голову, как будто хотел приглушить внутренний шум.

Обдолбанный, что ли?

Но в его глазах не было той пустоты, что бывает у наркоманов. Там была боль и раздражение, которое усиливалось каждым звуком.

Я отступил на полшага и только тогда по-настоящему огляделся. До этого всё внимание было сосредоточено на одном человеке и куске стекла у его горла. Но теперь стало окончательно ясно — мы здесь не вдвоём.

Камера была набита людьми. Похоже, что это был обычный обезьянник: бетонные стены, лавка вдоль стены, металлическая решётка и глазок в двери... Но люди внутри были не те, кого обычно сюда свозят после пьяных дебошей.

У стены сидел сухой пожилой мужчина в очках и застёгнутом пальто, будто его сняли с университетской кафедры и без объяснений бросили сюда. Он прижимал ладони к ушным

раковинам и смотрел в пол, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Рядом переминался парень в жёлтой куртке с логотипом «Яндекса». Чуть дальше стоял паренёк в рубашке, некогда белой, а сейчас покрытой кровавыми разводами.

Все они вели себя странно — затыкали уши, морщились от каждого шороха и смотрели в пол.

Когда тот мужик, с которым я только что сцепился, нервно зашептал и дёрнулся, несколько человек у стены резко подняли головы. А вот дальше... на него вдруг набросились.

Двое вскочили и ударили его, один толкнул в плечо, другой растопыренной пятернёй — в лицо. Осознание липко обволокло мысли — это была реакция. Да, мужик издал звук — и они среагировали. Удары были неловкими, но ожесточёнными, будто их раздражало само присутствие этого бедолаги.

Куда я, мать твою, попал...

Я стоял, сжимая в руке осколок стекла, и быстро просчитывал. Если вмешаюсь — их замкнёт всех, и толпа переключится на меня. Но если не вмешаюсь — его попросту забудут у меня на глазах.

Одно было ясно точно — стекло рано убирать. Эти люди были не в себе, и любой из них мог кинуться без предупреждения. А ещё — мне сейчас совершенно не нужно внимание тех, кто посадил нас сюда. Так что придётся рисковать.

— Э! Хорош! Вы его сейчас убьёте! — бросил я, стараясь не кричать, но звук всё равно прозвучал резче, чем хотелось.

Внимание резко переключилось на меня.

Сначала они просто морщились, как будто я ударил их светом в глаза. Потом несколько человек одновременно закрыли уши ладонями. «Профессор», только что с остервенением избивавший мужика, замер и начал раскачиваться вперёд-назад.

Его губы шевелились.

— Тише... тише... — бормотал он.

Я видел многое. Видел, как люди ловят «тишину» под тяжёлой дурью, когда их залипает, они уходят в себя и не слышат ничего вокруг. У зависимых даже термин такой есть — словить тишину. Но здесь было не это. Здесь не было мутного кайфа или расплывчатой отрешённости. Но было напряжение, будто по нервам пускали ток.

Профессор продолжал раскачиваться и шептать:

— Тише... тише... тише...

Паренёк в рубашке подхватил ту же фразу, как эхо.

— Тише... тише...

По верхней губе медленно ползла тонкая струйка крови, но он её не замечал. Глаза пацана не мигали, взгляд был стеклянный. Раскачивание становилось ритмичнее, почти механическим.

И вдруг один из них резко закричал, как будто выдал команду «фас». Вся эта компашка бросилась на меня.

Глава 2

Я уже ждал. Осколок вытянул перед собой, как короткий нож. Медленно качнул головой, предупреждая, что идея попытаться меня забить толпой — отвратительная.

Мысли копошились, переваривая поступающую информацию. Пытаться договориться? Если это не эмоции, а срабатывание по команде, когда у человека реактивно падает забрало... тогда договоры не работают. Глядя на эту разношёрстную компанию, становилось понятно, что среди них нет человека, с которым можно договориться. Если это так, мои правила здесь не действуют.

Что получается — значит, я больше не самый умный в комнате?

Ну-у... если разговаривать бессмысленно, остаётся только действовать. С волками жить — по-волчьи быть.

Профессор, первым сунувшийся ближе, замедлился, когда увидел стекло. Инстинкт самосохранения ещё работал. Он дёрнулся, зажал уши ладонями и остановился в полушаге, тяжело дыша. Парнишка в жёлтом плаще тоже притормозил, пальцы вжались в ушные раковины, будто звук жёг его изнутри. Их лица кривились от боли.

Я понимал, что сейчас проверка будет простая: либо я удержу дистанцию, либо меня просто разорвут.

На секунду показалось, что всё стихает. Те, кто ещё мгновение назад рвались вперёд, начали пятиться. Несколько человек буквально вжались в стену, будто звук, который уже отзвучал, продолжал давить им в виски. Я стоял, вытянув осколок перед собой, и чувствовал, как напряжение постепенно спадает, словно пружина внутри камеры ослабляет натяжение.

И именно в этот момент я сделал шаг назад, и... под ногой стекло колко сжалось и хрустнуло. Осколки злобно скрипнули и рассыпались.

Реакция была мгновенной. Лица моих сокамерников перекосило, глаза остекленели, а челюсти начали сжиматься.

— Какого хрена... — прошептал я, уже понимая, что поздно.

Те, кто только что закрывал уши и отступал, снова рванулись вперёд. Парнишка в окровавленной рубашке оказался расторопнее всех, и я встретил его коротким ударом в подбородок, вложившись корпусом. Он осел, как выключенный, и повалился на бетон. Второй всё-таки достал меня. Кулак врезался в скулу, резко и тяжело.

Зрение поплыло, во рту появился солоноватый привкус. На секунду перед глазами потемнело, и я потерял равновесие, шагнув в сторону. Силы не успели восстановиться до конца.

Ещё один такой — и... всё.

Я ударил парня в жёлтом плаще в солнечное сплетение, затем добавил локтем в висок. Он отшатнулся, но тут же профессор схватил меня за плечо...

Я ударил ему головой в переносицу, и в этот момент боковым зрением увидел, как безумцы начали кидаться уже не только на меня. Один задел другого, тот ответил, звук множился, и камера наполнялась короткими ударами, шорохом и вскриками. Каждый новый шум словно подстёгивал остальных. Они цеплялись друг за друга, били вслепую.

Я же, уgomонив профессора, попятился, напротив выходя из драки. И в самый разгар этой свалки снаружи скрипнул замок.

Дверь распахнулась с металлическим лязгом, который должен был бы взорвать эту камеру окончательно, но вместо этого всё перекрыл другой звук.

На пороге вырос мент, в виде которого мне сразу что-то не понравилось, как с той пластиковой бутылкой на полу. Но задумываться о том, что именно не так, времени не было — в руке у мента была какая-то чёрная коробочка. Он что-то нажал большим пальцем, и из коробочки заиграла музыка.

— Матушка-земля, белая берёзонька, Для меня — Святая Русь, для других — занозонька...

Голос был громкий, чистый, заполняющий всё пространство. Камера словно наполнилась звуком до краёв.

И произошло странное...

Те, кто ещё секунду назад рвались ко мне, отпрянули, как от чего-то, что их ослепило.

Музыка продолжала литься.

Люди замирали, потом медленно отходили к углам и через несколько секунд начинали раскачиваться в такт. Профессор, только что пытавшийся вцепиться мне в горло, теперь стоял у стены и качался вперёд-назад, синхронно с ритмом, шмыгая расквашенным носом.

Мент смотрел на меня. Я стоял посреди камеры, тяжело дыша, с осколком стекла в руке, и в его взгляде мелькнуло удивление.

— Ты чего не дёргаешься? — спросил он, перекрикивая музыку.

— А должен? — я вскинул бровь.

Сержант смерил меня взглядом с головы до ног. Музыка продолжала литься, и я был единственным, кто стоял прямо. Остальные сидели или раскачивались.

— На выход, — коротко скомандовал сержант. — Ты первый за сегодня, кто стоит.

Я сделал шаг к двери, всё ещё держа стекло, но перед тем, как выйти, решил проверить догадку. Я щёлкнул языком — один из сидящих у стены дёрнулся и поднял голову, как собака, услышавшая незнакомый свист...

Мы вышли в коридор, и мент убрал свою коробочку в карман. Музыка прервалась, и коридор стал слишком тихим. Я отметил, как рука сержанта легла на резиновую дубинку, торчащую из пояса.

Мент хлопнул ладонью по металлической двери камеры. Внутри почти сразу началась возня, затем удары, перемешанные с рёвом. Однако я понял, что этот хлопок был скорее моей проверкой... сержант проверял мою реакцию на звук.

Я стоял спокойно и не вздрогнул.

Мент посмотрел на меня внимательнее, удерживая пальцы на дубинке.

— Сержант, а сержант — я сейчас не посмотрю на то, что ты мент, и среагирую, — улыбнулся я кончиками губ. — Руку убери на хрен.

Он хмыкнул удивлённо и медленно убрал руку с дубинки.

— Ты первый за сегодня, кто так стоит из тех, кого задерживают, — сказал он.

Я кивнул в сторону двери, за которой продолжали грохотать.

— Остальные так?

Сержант поморщился и потёр шею. Я наконец понял, что именно меня смутило в этом человеке: форма у мента была другая. Какая-то не ментовская, что ли. Мой взгляд скользнул по нашивке на рукаве, и я прочитал надпись: полиция.

Эм... и как это понимать?

— Да... хрен знает, что произошло, — заговорил сержант. — Может, новая какая дурь. От старой, конечно, таращит так, что мама не горюй, но всё-таки... — он показал руку. На коже был синяк с чёткими следами зубов. — Не так. Ты видел там толстый мудак в камере? Очкастый такой... он грызнул, сука, — воду отдавать не хотел.

Я припомнил бутылку с пластиковой водой, потом посмотрел на этот укус. Определённо, здесь творилась какая-то чертовщина. И не только в поведении этих безумцев, но и в целом. Я никак не мог понять, куда попал, всё вокруг будто напоминало декорации какого-то фильма, не имеющего ничего общего с привычной мне реальностью.

Из рации на поясе мента вдруг сквозь помехи прорвался хриловатый голос:

— Агрессия у всех идёт на звук. Повторяю: реакция на звук!

Сержант не ответил, но на секунду наши взгляды пересеклись. Он отвёл глаза первым.

— За мной, — бросил мент.

Мы шли по коридору, и я отмечал детали этого странного места. Камеры наблюдения здесь висели под каждым углом, маленькие, чёрные, почти незаметные. Перед лестницей стоял турникет с электронным замком, на стене висел план эвакуации с квадратным чёрно-белым узором в углу, похожим на метку или код.

Всё выглядело иначе.

Это точно был не мой мир.

— Что с ними? — спросил я. — С теми, кто в камере. Ты сам-то понимаешь, что происходит?

Мент пожал плечами, не замедляя шага.

— Чёрт его знает. Говорю же, сегодня все такие. Много драк.

Он помолчал секунду-другую, потом добавил:

— С утра шестнадцать вызовов. Все одинаковые. Орут, бьются кость в кость. Сами не понимают зачем. А когда пытаешься что-то спросить — начинают агрессивировать. В итоге ни хрена не ясно... — сержант с ухмылкой покосился на меня и подмигнул. — Ну ты вроде адекватный, вот и расскажешь, как раз к следователю идём.

Я молча кивнул, но внутри отметил другое. Если они не понимают, что происходит, значит, будут искать виноватого. И тот, кто оказался в центре драки и стоит ровно, когда остальные кидаются... в общем, удобная кандидатура.

Бред какой-то.

И то, что происходило, мне ни хрена не нравилось. Пора было брать ситуацию в свои руки.

— Какой отдел полиции? — спросил я.

— Первый, — коротко ответил мент.

Цифра мне ни о чём не говорила, поэтому я уточнил:

— А район какой?

— Ворошиловский, — ответил мент и снова покосился на меня. — Ты чё, не помнишь ни хрена?

Я не ответил. Район немного прояснил ситуацию, в памяти всплыло имя начальника милиции, которое я знал слишком хорошо. Если это мой город и это действительно Ворошиловский район, то начальника звали Костюков.

— Слышь, сержантик, а давай без хороводов по кабинетам — води меня напрямик к начальнику. К Костюкову.

Мент чуть замедлился и посмотрел как-то странно.

— У тебя сведения немного того... лет так на двадцать с гаком устарели. Ща у нас начальник другой, если чё.

— Насколько устарели? — уточнил я.

— Слушай, — сержантик пожал плечами, — ну у меня отец служил при Костюкове. Он ещё в начале двухтысячных уволился. Я его не застал.

Я хотел было спросить, какой сейчас год, но взгляд сам упал на информационный стенд у стены. Среди приказов и объявлений крупно стояла дата: 2026.

Эх, хвост, чешуя... я не понял ничего.

То есть прошло двадцать семь лет?

По спине пробежал холодок.

За это время люди успевают прожить жизнь, умереть, сменить фамилии... стоп, Серёга, что-то тебя не туда понесло. Какие, к чёртовой матери, 27 лет?

Однако слишком многое подтверждало этот вывод. И если так... самое неприятное было даже не в цифре. Самое неприятное было в простой мысли, что никто не ждал, что я вернусь.

Ни один человек. Те, кто остался в девяносто девятом, уже прожили без меня целую жизнь. Или умерли.

И я об этом не знаю.

Ни черта не сходится.

— А как я сюда попал? — спросил я у мента.

— Понятия не имею, — отмахнулся он. — Это всё лучше у следователя узнаешь. Но кашу ты заварил, мужик. Прямо конкретную такую кашу...

По громкой связи в коридоре, как заевшая пластинка, повторялось одно и то же:

«Экипажам... соблюдать осторожность... агрессия на звук... доставленных рассаживать отдельно...»

Фраза прокручивалась снова и снова. Дежурный за стеклом орал кому-то вглубь помещения:

— Два наряда ещё везут! Куда их сажать-то?! Чё все с ума посходили?! Ситников, что у нас там в обезьяннике?

— Под завязку, — ответил «мой» сержант.

Я слушал это и понимал, что случаи, подобные тому, что происходило в камере, не были единичными. Нечто похожее драке в камере происходило по всему району. И, судя по всему, не только по району.

— Ты давай разберись там, а то начальника уже выдернули! — заорал дежурный из-за стеклянной перегородки, не отрываясь от своих экранов.

— А я при чём? — огрызнулся сержант.

— Вот Борисычу и будешь говорить, что не при чём!

Сержант только скривился, ничего не ответил и буркнул мне через плечо:

— Пойдём.

Мы прошли по коридору и остановились у двери с табличкой «Следователь. Савченко Егор Иванович». Мент постучал и, не дожидаясь приглашения, открыл дверь.

— Иваныч, вот один... нормальный, — сказал сержант и кивнул на меня.

— Слава богу, — отозвались из кабинета. — А то уже Борисыч едет злой как собака, он с мужиками в баню поехал...

— Заходи, — сержант шире открыл дверь, пропуская меня внутрь.

Я оглядел кабинет. На стене висел большой монитор, под потолком в углу висела камера. Всё фиксировалось, каждый шаг и вздох...

Сам следователь сидел в наушнике, как диспетчер. Глаза красные, будто он не спал всю ночь. Коробочка, как я уже видел у сержанта, лежала экраном вверх и каждые несколько секунд коротко вибрировала, заставляя следака морщиться.

Похоже, «коробочка» с огромным экраном была не чем иным, как трубой. Серьёзно, блин, ладно у следака была такая игрушка. Но у сержантика? Мир ушёл вперёд далеко.

Я занял стул напротив и решил сразу: язык мой — враг мой. Начну говорить про девяносто девятый, и меня отправят в дурку быстрее, чем я договорю фразу. Но если молчать и слушать — информации будет больше. Сначала нужно понять правила игры, если это действительно две тысячи двадцать шестой.

Но кое-что осталось неизменным — из небольшой колонки на столе играл шансон:

— А я ушаночку поглубже натяну... — пел Жаров из динамика.

Сержант ещё секунду помялся у двери и вышел.

Следователь несколько секунд смотрел на экран своего телефона, что-то нажимал пальцами прямо на экране — кнопок там не было. Напротив, в тёмном стекле шкафа за спиной следака, увидел своё отражение. Лицо в ссадинах, скула наливается синевой, губа разбита, но уже начала стягиваться... но это был я. Тот же. Не постаревший и нисколько не изменившийся. И если хотя бы на секунду допустить, что сейчас действительно две тысячи двадцать

шестой год, то для этого времени я выглядел слишком хорошо, будто эти двадцать семь лет просто вырезали из жизни и не засчитали.

— Алиса, сделай потише, — буркнул следак.

Колонка вдруг стала играть тише, а следователь наконец поднял взгляд и внимательно посмотрел на меня.

— Давай по-честному, — предложил он. — Ты что-то употреблял?

Я медленно покачал головой. Он перевёл взгляд на свою трубу, пролистнул что-то пальцем.

— Ночью найден на улице без документов... так?

Я слушал и понимал, что следак не договаривает. Он сознательно оставил пустоты, чтобы я сам их заполнил. Старый приём — дать минимум информации и посмотреть, что человек добавит от себя. На таких вещах ловят чаще, чем на прямых вопросах.

— Так не знаю, — я скользнул взглядом по его погонам, — товарищ майор. Слушаю внимательно.

Следак недовольно прикусил губу.

— Откуда ты? Дата рождения? Год рождения?

Я понимал, что отвечать нельзя. Любая конкретика меня погубит.

— В беспамятного играть будешь? — майор прокашлялся в кулак, явно недовольный тем, как складывается разговор. — На секундочку, если ты не помнишь, я тебе напомню: тебя повязали в тот момент, когда ты забил троих мужиков.

Я не шелохнулся. Хотя информация поступала крайне занимательная.

— И если ты сейчас будешь чуточку разговорчивее, я могу допустить, что ты действовал в рамках самообороны, потому что у одного из нападавших был ствол, а другие с ножами... А вот если нет, то тогда, дружок... — он сделал паузу. — Думаю, мы друг друга поняли.

Я отметил, что следак внимательно следит за микродвижениями моего лица, за дыханием. Ответить мне было нечего. Я сохранял на лице спокойствие, хотя внутри всё похолодело от того, что майор сказал.

Троих забил, значит...

Это мог быть приём, обычный ментовский понт, чтобы разговорить и дёрнуть на реакцию. Но проблема заключалась в другом — я видел свои костяшки. Сбитые, с коркой засохшей крови. Значит, либо он не врёт, либо я действительно чего-то не помню.

Я на секунду подумал спросить, живы ли те трое. Но понял, что этим только подтверждаю свою причастность. Вопрос прозвучит как признание того, что я знаю, о чём речь. Если так, то дело, безусловно, дрянь.

Я вдохнул и на выдохе обозначил майору свою позицию:

— Пятьдесят первая. Дальше без адвоката не разговариваю.

Следак ждал, что я дрогну, добавлю что-то ещё, но я замолчал. В этот момент его труба снова коротко завибрировала. Майор взял её, бросил взгляд на экран и чуть вскинул бровь.

— А вот и результаты по пальчикам пришли... — прошептал он.

Несколько секунд мент молча читал поступившую информацию. Потом посмотрел на меня уже совсем иначе. Телефон майор положил на стол экраном вверх, и я краем глаза увидел фотографию. Чёрно-белую, старую, с чуть размытым фоном.

Моё лицо...

Я помнил этот снимок тридцатилетней давности. Девяносто шестой год. Тогда меня задерживали, снимали отпечатки, фотографировали анфас и в профиль.

Сука...

— Вы что-нибудь знаете о Сергее Логинове? — сухо спросил следак.

В голове тотчас сложилось понимание, что дело дрянь. На меня и так вешают троих, а теперь ещё нужно объяснить, какого чёрта я выгляжу один в один как Сергей Логинов, «умер-

ший» в девяносто девятом, имею те же отпечатки пальцев и при этом сижу без документов, будто только что с Луны свалился.

Если менты сейчас копнут глубже, я здесь надолго задержусь. Я формулировал ответ, когда телефон на столе снова загорелся и завибрировал. Я увидел, как экран вспыхнул и потемнел, выдав короткую фразу:

«Деньги любят тишину».

Следак, который весь аж перевозбудился, хотел отложить телефон, но палец будто сам скользнул по экрану. И из динамика пошло шипение.

Я не почувствовал ничего.

А вот майор будто оледенел.

Сразу отреагировал коридор. За закрытой дверью кабинета хлопнула дверь. Потом кто-то закричал, и крик оборвался хрипом.

По громкой связи снова, механическим голосом, прокатилось: «Экипажам... соблюдать осторожность... агрессия на звук... доставленных рассаживать отдельно...»

Следователь вдруг схватился за виски.

— Тише... тише... — выдохнул он уже чужим голосом.

Из носа у майора пошла кровь, но он даже внимания на это не обратил. Бес его знает, что происходило, но я смотрел на экран и не чувствовал ничего. Что бы это ни было, со мной эта дрянь не работала.

Я только сейчас обратил внимание, что музыка, игравшая фоном из колонки, вдруг оборвалась, и из динамика разлилось шипение, один в один как из телефона.

Действовала на меня эта дрянь или нет — бережёного бог бережёт, поэтому я смахнул колонку на пол. Пластик треснул...

Следак же поднял голову, реагируя на звук, и посмотрел на меня так, будто впервые увидел. Лицо у него стало пустым...

А потом майор рванул на меня, шипя вот это совершенно безумное «тише-тише-тише».

Глава 3

Майора сорвало мгновенно. Он рванулся вместе со стулом, ножки со скрежетом взвились над полом, стол дёрнулся, и по лакированной поверхности поехала кружка.

Бам! Стул врубился в пол.

Я вскочил и всадил ему двойку. Сначала левую — коротко, потом сразу правую — плотнее, в висок, с доворотом корпуса. Для киношного героя этого было бы мало, но передо мной был не киношный герой, а тяжёлый, злой, грузный мент.

Этого ему хватило.

Мента повело вбок, и он влетел в стену, с глухим стуком вмазавшись лбом в облупленную краску.

За дверью в тот же миг кто-то заорал так, будто ему наступили на горло, и тут же оборвался. Я отметил это, но не отвлёкся.

Майор стек.

Пистолет я увидел сразу — чёрная рукоять в кобуре на поясе, почти под локтем. К стволу я не потянулся. Я отбил ему руку раньше, чем он сам понял, куда тянется.

Майор пошёл вразнос всем телом. Сначала дёрнулась щека, потом руки, потом его как будто пробил током изнутри: ноги застучали по полу, пальцы скрючились, челюсть свело. Вся эта туша зашлась в судорожном припадке, как затроивший мотор. Я отступил на полшага, держа дистанцию.

За дверью уже не кричали — там гремело со всех сторон, будто отдел разом пошёл трещинами. Сразу со всех сторон. Вопли, мат, удар чего-то тяжёлого о железо, ещё один срывистый ор... Звон битого стекла сменил истеричный смех, стало ясно: поехал не один майор. Отдел накрывало одним махом.

Я развернулся к двери, проверил ручку, мазнул взглядом по окну, потом снова на майора. Тот бился на боку, задыхался, скрёб каблуком пол и уже не тянул на хозяина положения. На столе мигал монитор, рядом валялись бумаги, кружка докатилась до края, но не упала, будто сама комната ещё пыталась удержаться в норме.

— Твою мать... — сказал я, и колонка тут же решила, что это команда.

Её кольцо вспыхнуло мягким светом, и механически-вежливый голос, не к месту живой, отозвался:

— Включаю песню «Твою мать». Игорёк.

Через секунду из динамика полетело — чисто, бодро, как будто вокруг ничего не рушилось:

— Я вчера очень грустный сидел...

Я отвлёкся на миг — и боковым зрением поймал движение у пола. Майор уже не бился так беспомощно — его будто снова собирало для нового срыва. Он приходил в себя рывками, с хрипом, жадно хватая воздух. Когда я перевёл взгляд обратно, увидел его лицо целиком. Мента перекосило так, будто внутри у него довернули последний болт. Глаза налились кровью, рот свело, губы дёргались, а плечи уже собирались в новый бросок.

Я прикинул, чем встречать следующий рывок. Сместился, освобождая угол, готовый поймать его на противоходе и снова размазать по полу, но майор рванулся не на меня.

Он бросился на колонку.

На миг я даже не поверил глазам. Вместо того чтобы кинуться на меня, он дёрнулся к маленькой чёрной коробке с такой злобой, будто именно она минуту назад врезала ему в челюсть, сорвала погоны и спустила жизнь в унитаз.

Мент почти нырнул к ней, скребанул ладонью по линолеуму, схватил «Алису» и с рыком шарахнул ею об ножку стола. Пластик треснул, музыка захлебнулась на полуслове, но он не остановился — поднял её снова и долбанул уже об пол.

— Сдохни! — рявкнул он сорванным, чужим голосом. — Заткнись! Заткнись, тварь!

Это уже нельзя было списать ни на злость, ни на унижение, ни на мою двойку в голову. Его вело на звук — на сам факт голоса.

— Так вот на что тебя ведёт, — сказал я. — Голос.

Майор меня не услышал. Он лупил колонку, пока та не развалилась у него в руках на две кривые половины. Из динамика хрипнул обрывок фразы, и его дёрнуло хуже, чем от тока. Он взвыл, отбросил пластик и шарахнулся назад, мгновенно ища, откуда ещё идёт звук. Голова у него дёрнулась вбок, и за ней развернулось всё тело.

— Стоять, — отрезал я.

Я коротко подсёк его, поймал за ворот и, используя его же разгон, впечатал боком в край стола. Стол врезался в стену, бумаги взметнулись, майор захрипел, но снова полез — уже почти вслепую, упрямо.

— Да успокойся ты, — процедил я, вдавливая его обратно. — Ты уже опоздал.

Он дёрнул головой, щёлкнул зубами в воздухе и попытался вывернуться. Его тянуло рвать всё, что звучит.

В коридоре гремело — топот, крики, где-то хлопнула дверь. Отдел на глазах слетал с резьбы.

Одной рукой я перехватил запястье мента. Наручники сидели на нём справа. Я дёрнул их из чехла, щёлкнул дужкой, завёл ему руку за спину и жёстко довернул вторую. Он рванулся, выматерился в пол, попробовал вывернуться, но я был быстрее.

Я протащил его чуть вбок, к батарее под окном. Она была уже не из старых чугунных кишок, к которым в моё время можно было прицепить хоть грузовик, но на безрыбье сгодилась и эта. Выбирать в рушащемся отделе уже не приходилось. Я завёл цепь вокруг крепления, быстро защёлкнул второй браслет и дёрнул на проверку. Держало крепко. Майор оказался пристёгнут: мог только рваться и разворачиваться, но до меня уже не доставал.

Он всё равно не выключился. Лёжа на боку, скребя ботинком по полу, он дёргался на любой звук из коридора, будто его дёргали за леску в разные стороны. Из-за двери кто-то вскрикнул, и майор рванулся туда всем телом, натянув цепь до звона.

С оружием я закрыл вопрос сразу. Наклонился, отстегнул кобуру у него с пояса, одним движением выдернул её целиком, открыл клапан и достал ствол. Пистолет был тёплый, тяжёлый, хотя и не из тех моделей, что я знал. Неважно. Главное — теперь ствол был у меня, а не у бешеного мента.

Следом я прошёлся по его карманам. Нашлось служебное удостоверение. Я раскрыл его, бегло глянул и сразу убрал себе. Тут всё было просто. Даже если этот дурдом закончится прямо сейчас, ментовская ксива в таком городе открывает двери не хуже отмычки. А если не закончится — тем более пригодится.

Я ещё не успел переварить, что меня занесло на тридцать лет вперёд, а сверху уже свалилась вторая проблема — не мягче первой. Сначала чужое время. Потом чужой отдел. Теперь ещё и новая напасть: людей вело от любого звука.

Мир встретил меня не хлебом-солью, а ускоренным курсом по выживанию — без инструкции.

Я увидел на столе телефон. Аппарат лежал у края, экран светился. Тянуть я не стал: одной рукой держа майора на изломе, второй сгрёб мобильник со стола. Экран тут же вспыхнул ярче, и на нём вылезло что-то, чего в моём времени просто не существовало как класс. Надпись на английском и значок с лицом.

Одного взгляда хватило. Английский у меня был не для лондонских салонов, а для дела: понять накладную, вывеску, короткую команду, не больше. Здесь этого хватило. Face ID. Лицо. Распознавание по роже. Красота.

Майор снова забился у меня под рукой, потому что в коридоре хлопнула дверь, и его опять повело на звук. Я не отпустил. Дёрнул его за ворот и повернул к экрану, как кривое зеркало.

— А ну, не дёргайся, — жёстко сказал я. — Хотя теперь от тебя будет польза.

Он рванулся, зашипел, попытался уйти в сторону, но я держал крепко и подвёл телефон ближе к его лицу. Экран мигнул. Но на его морде уже цвёл тяжёлый фингал. А взгляд у него был такой, что ничего человеческого там уже не осталось — только голое, тупое безумие.

Майор снова дёрнулся, натянув наручники, потому что в коридоре что-то с грохотом повалили. Я бросил на него короткий взгляд. Инициативу я у него забрал полностью. Он был уже не противником, а закрытым вопросом. Теперь он мог беситься, хрипеть и рваться на шум сколько угодно. Решал уже не он.

Я выпрямился с пистолетом и прислушался к коридору. Там продолжали ломаться люди, мебель и остатки порядка. У меня уже был набор для следующего шага: ствол, ксива и одно главное правило.

Назад дороги уже не было. Если меня сейчас снова повяжут, то на «недоразумение» это уже никто не спишет. Оставался один вариант: не дать себя взять.

На случай такого ЧП у меня ещё с девяносто девятого был простой, жёсткий алгоритм. Связь. Оценка. Движение. Но сначала надо было понять, что за дрянь здесь командует.

Мысль оборвал мобильник.

— В Ростове все спокойно, спокойно, спокойно, — пропела мелодия.

Мент дёрнулся, звякнул наручниками, выматерился бессвязно. Надпись на экране была короткая и понятная: «Начальник».

Я нажал приём сразу, но отвечать не стал.

Из динамика тут же раздался мужской голос — тяжёлый, злой, сорванный. Он орал — и по делу.

— Ты где, мать твою, пропал?! — рявкнул он так, что даже майор у батареи дёрнулся на звук ещё сильнее. — Ответь немедленно, мать твою! Что у тебя там происходит?!

Я молчал. Пусть орёт.

— По области уже вводят режим ЧС! — орал он дальше, срываясь то в мат, то обратно в командный тон. — 102 лежит к чёртовой матери, в системе творится хрен пойми что!

Этого уже хватало. По области... Значит, это уже не один отдел. Это тираж. «Это» уже расплзлось шире и быстрее, чем они успели моргнуть.

Я молчал и слушал, как на том конце человек пытается перекричать развал. Но договорить он не успел.

Сначала в трубке что-то резко треснуло, будто телефон ударили о стол или выбили из руки. Потом голос срезало. Дальше пошла возня, и уже откуда-то сбоку, не прямо в микрофон, донёсся рваный крик:

— Сидоров, отставить! Ты что, охренел?! Стоять! Стрелять буду!

Сразу после окрика из трубки пошло глухое, животное рычание. Следом хлопнули выстрелы, потом всё оборвалось в тишину, которую сразу перебили звуки борьбы: глухой удар, чьё-то сдавленное дыхание, скрежет, словно телефон тащили по полу или он сам катился под чужими ногами.

Я держал трубку у уха ещё секунду, но и без слов всё было ясно. У майора, похоже, только что не стало начальника. Карьера у человека кончилась резко, с треском и без оркестра.

Но важнее было не это. Картина была паршивее и сложнее. За дверью один голос срывался в визг, тонкий, надломленный, уже почти нечеловеческий, а другой — хриплый, злой,

всё ещё пытался кому-то отдавать команды. Значит, здесь сходили с ума не все и не одинаково. Это была не просто массовая истерика. Но до конца я эту дрянь ещё не раскусил.

Телефон у меня в руке сдох окончательно. Я опустил его, и в этот же момент краем глаза поймал движение у батареи. Майор всё ещё рвался. Он уже вывернул плечо почти до хруста, дёргал корпусом так, что крепление батареи начинало нехорошо потрескивать. Ещё немного — и он либо разнесёт это к чёртовой матери, либо порвёт себе что-нибудь внутри, а потом полезет на меня.

Здесь нельзя было тупить. Либо я ухожу сейчас, либо через минуту придётся по-настоящему ломать мента, а мокруха мне была не нужна.

И тут всё наконец щёлкнуло. В коридоре повисла тишина, телефон молчал и... майор тоже резко притих. Он тяжело дышал, дёргал пальцами, косился стеклянным взглядом, но не рвался вслепую каждую секунду. А потом из коридора снова что-то грохнуло — и его тут же дёрнуло всем телом, как по команде.

— Всё. Понял.

Майор в ответ рванулся на очередной шум. Я больше не тратил на него ни секунды. Из кабинета надо было исчезать.

Я подошёл к окну, дёрнул занавеску в сторону и быстро оценил отход. Решёток не было — уже хорошо. Но кабинет располагался на третьем этаже, и это «хорошо» тут же сдулось наполовину. Через коридор идти — почти наверняка врезаться в таких же сорванных, только уже не пристёгнутых к батарее. Прыгать вниз с такой высоты — идея примерно того же уровня ума, что лечить головную боль кирпичом.

Во дворе подо мной как раз шёл свой маленький праздник порядка. Машина — светлая, городская, из новых, с гладкими формами — с ходу вцепилась носом в шлагбаум. Шлагбаум стоял криво, капот был смят, а гудок орал без перерыва, длинно и тупо. Никто не выбегал это разруливать. Ни дежурный, ни охрана, ни просто любопытный идиот с улицы. Сигнал резал двор, а всем было уже не до него — или, наоборот, слишком до него. Из-за угла выскочило несколько крепких ребят, одетых по гражданке.

— Вырубите звук! Выключите на хрен!

Вряд ли водитель слышал: он лежал лицом в руль. Ребята не стали церемониться и начали рвать машину — руками, ногами, всем, что попадалось. Один схватил кирпич, забрался на капот и начал бить по лобовому стеклу.

Я ещё раз прикинул варианты. Коридор — гарантированная встреча. Окно — третий этаж и к тому же толпа идиотов, которая будто разорвала машину на части, как стая бродячих псов. И толпа стремительно росла.

Получался жёсткий тупик, из тех, где оба выхода плохие, а выбирать надо сейчас. День держал планку: даже выход из кабинета здесь был задачей с подвохом.

— Отлично, — сказал я, глядя вниз на шлагбаум, машину и орущий клаксон. — Просто курорт.

За спиной снова звякнули наручники: майора дёрнул новый шум — быстрый, нервный цокот каблучков. Следом ударил женский крик:

— Помогите!

Я сразу решил: не лезу. В таком дурдоме спасти всех подряд — самый верный способ самому лечь рядом, только уже без права на вторую попытку. Но в следующую секунду тот же голос сорвался на такое, что дёрнуло внутри.

— Да чтоб тебя через коромысло и в дышло!

Я подобрался. Так не ругался почти никто. Точнее, вообще никто, кроме одного старого знакомого.

И в ту же секунду в мою дверь ударили с той стороны.

— Помогите! Борис Иванович!

Майор вряд ли теперь мог ей помочь. А я понял главное: ещё миг — и эта дура соберёт сюда всё лишнее, что только бегают по этому этажу.

Глава 4

Девчонка ломилась так, что пройти мимо — значило оставить её на убой. Логика «спасайся сам» закончилась там же. Я развернулся к двери.

За дверью снова закричали. Каблуки уже уходили дальше по коридору. Тянуть было нельзя.

Я рванул к выходу, дёрнул ручку — дверь не пошла. С той стороны её подпёрли. Судя по весу — телом.

Я ударил плечом. Дверь подалась на пару сантиметров, упёрлась во что-то мягкое и тяжёлое, потом снова встала. Я отшагнул на полшага, и плечо врезалось в дерево. Снаружи что-то тяжело поехало по полу, проход приоткрылся ещё, и я тут же продавил его корпусом до конца, вываливаясь наружу.

Снаружи царил чистый служебный ад. У стены валялся мент — видимо, именно его я и сдвинул плечом. Чуть дальше, в полосе белого коридорного света, двое сорванных ментов ломались на молодую сотрудницу. Она пятилась, сбивая каблуками ритм по плитке, и визжала так, что только сильнее раскручивала этот дурдом. Один уже тянул к ней руки, второй заходил сбоку, дёрганный, с перекошенной мордой и пустыми, бешеными глазами.

— Помогите! Да отвалите вы! — сорвалась она снова, и я сразу понял: ещё секунда такого визга — и её просто разорвут.

Орать «стоять» было поздно. Здесь это не работало. Я в два шага срезал дистанцию и рубанул:

— Молчи!

От моего окрика девчонка дёрнулась сильнее, чем от самих ментов, захлебнулась следующим визгом и на секунду реально замолчала. Одной секунды хватило.

Как только она заткнулась, я сразу перевёл их с жертвы на приманку — на себя.

— Эй. На меня, уроды.

Сработало.

Оба дёрнулись на мой голос сразу, как на сигнал. Тот, что почти вцепился в неё, сорвался сразу. Второй тоже повернул корпус, и оба переключились на меня — быстро, хищно, как псы на брошенную кость.

— Вот так. Теперь ко мне, — я попятился, стуча кулаком о стену, чтобы они не передумали.

Девчонка всхлипнула, снова собираясь закричать, и я снова рявкнул:

— Тихо. Рот закрыла.

Дошло. По крайней мере, орать она перестала окончательно.

Менты уже шли. Коридор был узкий, свет бил в глаза, дальше что-то орало и гремело, а я смещался так, чтобы не дать им одновременно вцепиться.

— Давайте, — я вёл их куда мне было нужно. — Идите сюда.

Я шёл спиной к открытому кабинету слева.

— Давайте, красавцы. Ко мне. Быстрее.

Один пёр тяжело и прямо. Второй шёл рывками и быстрее. И именно его я узнал сразу: тот самый сержантик, что вёл меня из обезьянника. Даже походка у него осталась прежней — тело уже сорвало, а привычка ещё держалась, только теперь к ней добавилась пустая звериная злоба. Крючок они заглотили, оставалось подсесть.

До кабинета оставалось два шага. Я дошёл до самой двери, на долю секунды задержался в проходе, чтобы они клюнули на близкую добычу. В последний момент я ушёл с линии.

Оба влетели внутрь. Первый — на полном ходу. Сержантик цепанул косяк плечом и сбился на миг. Он вцепился скрюченными пальцами в проход, пытаясь устоять.

Я развернулся сразу. Справа на стене висел пожарный щит. Я сорвал лопату со щита. Металл лязгнул по креплению и сразу по его затылку.

Хватило.

Я влепил так, что сержантик влетел внутрь уже без туфель. Я тут же заклинил дверь древком, чтобы створка не пошла назад.

Изнутри сразу рванули дверь. Раз. Второй. Без толку. Лопата встала намертво, и обычный кабинет за секунду превратился в импровизированную клетку.

— Сидите там, — бросил я. — Остыньте.

Я наконец посмотрел на девчонку. Она стояла у стены, бледная и явно ещё не успевшая понять, что вообще сейчас произошло.

— Стоишь тихо и молчишь. Тогда у нас есть шанс, поняла?

Она молча кивнула. Умная девочка.

Я подошёл к ней, выставив ладони вперёд и сразу показывая главное: хватать, трясти и пугать её я не собирался.

— Вставай, — я протянул руку. — Я тебя не трону.

Она глянула настороженно, но руку всё-таки взяла. Я поднял её одним рывком, поставил на ноги и быстро оглядел. Передо мной стояла не опер и не полевой боец. Передо мной стоял живой кусок офисно-гламурной довоенной нормы — просто в форме. Всё в ней — волосы, лицо, ногти, даже то, как она держала подбородок, — говорило о другой жизни. Слишком чистой и собранной под зеркало, а не под драку в разваливающемся отделе.

— На ногах стоишь?

Она дёрнула губой, и я заметил, что губы у лейтенанта были слишком опухшие... Хотя явных следов удара видно не было, губы были какие-то неестественно большие. Сначала я решил, что её ударили, но сразу отбросил это.

Куда важнее, что она была местная. Значит, знала планировку, дежурные выходы, слепые зоны и местные привычки. В такой мясорубке это стоило дорого.

— Слушай сюда. Вдвоём у нас шансов больше. Идешь со мной.

Дошло не сразу. Первым делом девчонка подняла руку, уставилась на пальцы и зло зашипела:

— Да твою же... Я час назад была на маникюре. У меня ноготь сломан.

Я посмотрел на неё молча. На фоне выстрелов это звучало как бред из прошлой жизни.

— Я с вами никуда не пойду, — выпалила она, всё ещё глядя то на меня, то на свой палец. — Сейчас я позвоню своему мужчине, и он всё решит.

— Пробуй, — сказал я.

Она тут же схватила за телефон. Ткнула в экран раз, другой, быстрее, злее.

— Да что за бред... — выдохнула она. — Почему сигнал не идёт? Подожди... Интернет... Да ладно... Вайфай тоже?

Она ткнула ещё куда-то, потом ещё. Вот только толку.

Я не стал её долго уговаривать. На это не было ни времени, ни смысла.

— Всё. Никто не придёт, — отрезал я.

Словно в ответ где-то рядом вспыхнул чужой крик — и тут же оборвался.

Его срезали выстрелами.

В ту же секунду погас свет. Коридор провалился в рваный полумрак, только аварийные огоньки где-то дальше мигнули блекло. А потом срывающимся хрипом зашипела рация.

— Приём, приём, ответьте хоть кто-нибудь...

На лестнице кто-то ещё отстреливался.

— Здесь... здесь почти все легли... — доносилось между хлопками.

Но голос вдруг тоже оборвался, сменившись грохотом и звуками борьбы. А затем и это прервалось.

Я схватил девчонку за запястье и поднёс указательный палец к губам, медленно покачивая головой. Губы у неё уже исказились, крик был готов сорваться.

Вся её история про «моего мужчину» закончилась в ту же секунду, как только вокруг окончательно вырубилось то, на чём держалась её уверенность.

— Ладно, — выдохнула она. — Ладно, иду.

Но только девчонка шагнула — и сразу перекосилась. Каблук уже ушёл набок.

— Чёрт...

Я опустил взгляд. На одном сапоге каблук был сломан, косо уйдя набок и превращая быстрый отход в очень сомнительную акробатику. Ну конечно. Мир, как обычно, любил подкидывать мелочи в самый удачный момент.

— Снимай, либо хромай, — сухо сказал я. — Только быстро.

Она зло втянула воздух, собралась и уже куда более внятным голосом выдала первую по-настоящему полезную вещь:

— Я знаю служебный выход.

Вот это уже звучало куда полезнее.

— Веди. Только без самодеятельности. Я говорю — ты делаешь. Поняла?

Она кивнула, не споря.

— Тебя как зовут? — уточнил я.

— Элина... а вас?

— Сергей. Пошли, красавица.

Элина сняла сапоги и так и замерла, глядя себе под ноги, будто только сейчас по-настоящему увидела, по чему нам предстояло идти. Пол был в мелком стекле от выбитых плафонов и дверных вставок, и в тусклом, рваном свете они поблёскивали тихо и зло. По одному её лицу и тому, как она поджала пальцы ног и невольно передёрнула плечами, было ясно: к такому она в жизни не готовилась.

Очевидно, что босиком она бы далеко не ушла, а если тащить её на себе по этому тёмному коридору, где каждый лишний звук мог обернуться смертью, то мы не уйдём далеко.

Что ж... в такие минуты красивых решений не бывает. Бывают только быстрые.

Я, стараясь ступать как можно тише, подошёл к пожарному щиту. В голове всё сложилось мгновенно: оставить всё как есть — нельзя, нести её — долго... А вот сбить каблуки у сапог — грубо, зато, в принципе, рабоче.

Я снял с крепления топор, коротко примерил его в руке, прикинул, как одним-двумя ударами превратить её обувь во что-то более пригодное для бегства, и уже был готов этим заняться. Но взгляд сам зацепился за туфли, из которых сержант «вылетел» после моего удара лопатой.

Я поднял туфли. Они были великоваты, да и вид у них был такой, будто их не носили, а переживали в них тяжёлую болезнь. Но это всё равно было лучше, чем её кровь на стекле.

Сначала я хотел просто подкинуть туфли ближе к ней, чтобы не делать лишних шагов, но тут же отнёс эту мысль: любой стук сейчас дороже удобства. Поэтому я подошёл, присел и тихо поставил туфли перед ней, между блестящими осколками.

— Обувайся. Либо чужие вонючие туфли, либо твоя кровь по всему коридору. Выбирай быстро.

Элина вскинула на меня глаза, округлившиеся от возмущения.

— Сергей, вы издеваетесь? — выдохнула она. — Это же Козлова обувь. Он неделями не моется и носки не меняет...

Она брезгливо дёрнулась, будто туфлём пахнуло чем-то смертельно оскорбительным лично для неё. Я, однако, даже не изменился в лице. Времени на тонкую душевную работу у нас не было.

Она уставилась на меня ещё секунду, не веря, что я предлагаю всерьёз, потом опустила взгляд на туфли, на стекло, снова на свои ноги. В этом коротком молчании я видел, как у неё внутри с хрустом ломается что-то привычное, тёплое, из прошлой жизни. Эллине хотелось возмутиться, поспорить, обидеться, возможно, даже назвать меня последним подонком, но пол под её ногами от этого не менялся.

Элина было осторожно дёрнулась сделать шаг в носках и тут же замерла, потому что под стопой предупреждающе скрипнула мелкая стеклянная крошка. Она шумно втянула воздух, бросила на меня взгляд, всё ещё полный оскорблённого недоверия, словно это я был виноват и в стекле, и в темноте, и в том, что весь мир за один день сошёл с ума.

— Потом побрезгуешь, если будет время, — отрезал я.

Элина дёрнулась так, словно я хлестнул её ладонью по щеке, и наконец резко наклонилась. Схватила туфли двумя пальцами и начала быстро, зло натягивать их на ноги.

Я смотрел на это спокойно, не мешая и не помогая. Когда Элина закончила и, всё ещё морщась, выпрямилась, я коротко кивнул.

— Вот и отлично, — сказал я. — Первый правильный выбор за сегодня ты уже сделала.

Девчонка промолчала, но главное уже случилось: спорить с реальностью она хотя бы на эту минуту перестала. Для текущей обстановки это было почти равносильно чуду.

Именно тогда я заметил у неё в кобуре пистолет. Я чуть качнул подбородком в сторону кобуры.

— Табельное у тебя для отчёта или работать с ним умеешь?

Элина аж вскинула подбородок, будто вопрос задел её за профессиональную гордость.

— Вообще-то я полицейская, — ответила она.

Я ничего не сказал, просто посмотрел на неё молча. Этого хватило. Спесь у неё сползла с лица быстро, как плохо приклеенная маска.

— Если честно... — уже тише добавила Элина. — Стреляю плохо.

Я усмехнулся краем губ.

— Честно — уже полезно. Значит, лишних сюрпризов будет меньше.

Она, кажется, не поняла, похвалил я её сейчас или, наоборот, поставил на место, но это было и неважно. Формально оружие у неё имелось. Проблема в том, что мы стояли в узком тёмном коридоре, где всё решали секунды, шум и дистанция. И здесь от плохого стрелка проблем могло быть куда больше, чем пользы.

Я перехватил поудобнее топор. Элина проследила взглядом за тем, как я взял топор, и не выдержала:

— Ты серьёзно? С этой штукой?

— С этой штукой, — подтвердил я. — Она, по крайней мере, бесшумная, а если ты поднимешь стрельбу...

Я не договорил, но Элина посмотрела на свой пистолет, и на её лице мелькнуло понимание.

— Всё, красавица. Обулась — уже молодец. Теперь идём тихо, ничего не роняем и без моей команды не умираем, — хмыкнул я.

— Это вообще звучит не очень успокаивающе, Сергей, — пробормотала она, уже двигаясь следом.

— Зато честно, — ответил я и двинулся дальше.

— Нас же спасут, да? Власти, наверное, уже в курсе, что тут произошло...

Я не ответил. На такие вопросы сейчас не было ни полезного ответа, ни смысла его искать. Если система ещё где-то и держалась, то сюда она явно опаздывала. Здесь она, судя по звукам, уже явно не справлялась.

Элина шла следом, уже заметно осторожнее, чем раньше, и это было хорошо.

Коридор впереди жил какой-то своей рваной, ненормальной жизнью: где-то далеко хлопнуло, что-то металлическое проскрежетало по полу, потом всё снова будто бы стихло. Свет оставался слабым, рваным и, честно говоря, напрягал.

Внутри сидела мелочь, которая в другой ситуации могла бы вообще не иметь значения, но сейчас цепляла именно своей нестыковкой. Недавнее ругательство Элины слишком уж не вязалось с этим глянцевым образом.

Я чуть повернул голову к ней, не сбавляя шага.

— Кстати. Откуда ты знаешь такие слова, ну про коромысло?

Элина нервно поёжилась, будто я поймал её не на чём-то куда более личном, чем просто ругательство.

— Да не знаю... — буркнула она с явным раздражением, которому сейчас просто некуда было деться. — Само вырвалось. Да какая вообще сейчас разница?

Я не ответил.

Мы двигались дальше быстро. Стрелок из Элины пока был никакой, зато дорогу по отделу она знала. Я чуть притормозил у развилки, показал глазами на две служебные двери и коротко спросил:

— Какая?

Элина сразу поняла, о чём я, и ответила шёпотом:

— Левая открывается наружу, правая — на себя. Но правая иногда заедает... если быстро дёрнуть, может заклинить.

— Служебный выход где? — поторопил её я.

— За левой короткий служебный проход, — поспешно выпалила девчонка. — Там обычно меньше народу...

— Обычно, — тихо повторил я.

Элина едва заметно дёрнула уголком рта. Не улыбнулась, конечно, но для текущего конца света это уже почти считалось лёгким признаком жизни.

Я подошёл к левой двери, сначала прислушался, а потом коротко показал Элине держаться за моей спиной. Всё было предельно ясно: я вёл, она не спорила, и если уж мир окончательно сошёл с ума, то хотя бы внутри нашей маленькой связки порядок пока ещё оставался.

Мы двинулись к чёрному выходу через служебный коридор. Лезть в лоб на тех, кто уже сорвался, я даже не собирался. Прямой путь в таких местах обычно вёл ровно туда, куда не надо — в морг, а у меня на этот день были другие планы.

Я остановился у самого входа в проход и быстро снял глазами весь расклад. Несколько сорвавшихся дёргались в самом коридоре, ещё кто-то бился или метался в соседнем помещении. Любой лишний шорох мог в одну секунду стянуть на нас ещё пол-этажа. Коридор тянулся узкий, с глухими стенами. Слева был приоткрытый кабинет, дальше висел пожарный рукав, а в конце темнела металлическая дверь. Этого мне хватило.

План сложился сразу: увести всех сорвавшихся в соседний кабинет, чтобы они влетели на звук туда. Ну а мы в этот момент проскочили бы вдоль стены дальше, к проходу. Приём был отработан на двух ментах чуть раньше и блестяще себя показал.

Кабинет был открыт, вход в него виден, а звук внутри гулко отражался от голых стен — как раз то, что нужно. Элина уже вдохнула, явно собираясь что-то спросить, но я, не глядя на неё, поднял ладонь.

— Не сейчас.

Я обернулся к ней и протянул руку.

— Телефон с собой?

Элина растерялась на долю секунды, но спорить не стала. Достала мобильник, разблокировала и вложила мне в ладонь.

— Да...

— Будильник поставить можешь?

— Могу...

Она кивнула и начала тыкать пальцами в экран. Я понимал, что, если телефон зазвонит в кабинете, эти дёрганные рванут на ближайший раздражитель и на пару секунд освободят нам проход.

— Вот. Таймер на три минуты. Когда будет нужно, нажми на «старт», и время пойдёт...

— Элина запнулась, глядя, как я уже прикидываю, что делать дальше. — А что ты хочешь сделать?

Я не ответил сразу. Сначала посмотрел на ближайшего сорвавшегося и поймал его ритм. Дёрганный, рваный, но не хаотичный. Даже у безумия быстро появляется свой порядок.

Три коротких шага вперёд, остановка, резкий рывок головой влево, пол-оборота корпуса, потом обратно.

Я мысленно отсчитал цикл один раз, потом второй. Оба раза вышло почти одинаково — около пяти секунд от одного разворота до другого.

Этого было достаточно.

Если телефон зазвонит в тот момент, когда этот урод стоит лицом к нам, он среагирует слишком быстро и может заметить движение раньше, чем сорвётся на звук. Если дать сигнал, когда он уже начал разворот в сторону кабинета, он уйдёт туда почти сразу, а остальные дёрнутся следом.

Значит, мне нужно подать звук в нужную фазу его движения.

От нашей точки до проёма было метров шесть, может, семь. Низкий бросок от пола — и телефон скользнёт внутрь за секунду, максимум за полторы. Ещё секунда — мне самому сместиться к стене и быть готовым к рывку. Значит, сигнал должен ударить примерно через восемь-девять секунд после броска.

— Поставь таймер на девять секунд, — попросил я.

Девчонка растерянно моргнула.

— Что?

— Девять секунд, — повторил я.

Элина быстро переставила таймер.

— Готово... а что ты собрался делать?

— Выбраться отсюда хочешь? — спросил я.

— Хочу, — выдохнула она.

Я коротко качнул телефоном в руке.

— Тогда считай, что это плата за билет на выход.

У неё глаза полезли на лоб.

— Сергей, ты с ума сошёл? Там всё... там фотографии, контакты, у меня там... — зашипела она. — Это дорогой телефон!

— Значит, громче орёт, да? — отрезал я.

Элина открыла рот, явно собираясь возмутиться ещё раз, но я уже не дал ей разогнаться.

— Выход дороже, моя хорошая. Потом купишь новый, — я покосился на девчонку и подмигнул. — Если будет где покупать.

Я огляделся и на столе одного из кабинетов увидел шнур от зарядки. Присвоив его, я быстро продел телефон в петлю, затянул узел и проверил, чтобы аппарат не сорвался раньше времени.

Я собирался низким, скользящим броском попасть в открытый кабинет слева, чтобы телефон прошёл по плитке, ушёл за порог, ударился внутри о стену или ножку шкафа и зазвонил уже там.

— Слушай внимательно, — я повернулся к Элине. — Сейчас я запущу таймер и закину телефон в кабинет. Как только там зазвонит — они дёрнутся на звук. В этот момент сразу идёшь за мной вдоль правой стены.

Элина нервно сглотнула и кивнула. В полумраке лицо у неё было бледное, но собранное. Страшно ей было, конечно, и правильно было страшно, но паника из неё хотя бы на время выветрилась. Это тоже упрощало работу.

Я чуть качнул кистью, проверяя вес импровизированной приманки, снова взглянул в проход, где сорвавшиеся дёргались в рваном, бессмысленном ритме, и почти беззвучно пробормотал:

— Ну что, красавцы... внимание.

Я приготовился запускать приманку и врубил таймер. Секунды неумолимо начали обратный отсчёт. Ещё мгновение — и сорвавшиеся бы побежали за тем сигналом, который я им приготовил.

План был почти готов сработать. Но почти — это вообще очень опасное слово.

Потому что в самый неподходящий момент мобильник Элины предательски ожил сам в моих руках.

— Дилинь-дилинь-дилинь...

Глава 5

Звук резанул по коридору. Сыграла какая-то собственная забытая наминалка девчонки, чтоб её. Все ближайшие сорвавшиеся мгновенно рванули не туда, куда я их вёл, а прямо на нас.

Они дёрнулись разом, как стая, и «чистый» проход, который должен был открыться на несколько секунд, схлопнулся у меня на глазах.

Я даже не выругался — времени на такие удовольствия уже не осталось.

Один сорвавшийся пошёл в лоб сразу, второй рванул сбоку, третий только срывался с места. Но уже было ясно, что, если я сейчас отступлю, то нас просто зажмут. Значит, назад дороги нет.

— Стоять за мной! — бросил я Элине.

Первого я встретил сразу. Ударил коротко и жёстко. Сорвавшийся, пропустив «топора», рухнул мне под ноги, освобождая ровно тот кусок пространства, который был нужен сейчас, а не через секунду.

Но именно в эту секунду Элина, увидев, как на нас валится второй, инстинктивно дёрнулась не туда — прямо под рывок сорванного. Я рванул её за плечо так резко, что она едва не потеряла равновесие, и буквально швырнул в нишу за косяк.

— Туда! — рывкнул я.

Она влетела в стену, ударилась плечом, но хотя бы ушла с линии атаки. Второй сорвавшийся уже бросился на меня. Я встретил его бедром, не давая вцепиться как следует, ушёл на полшага вбок и рубанул древком топора. Он врезался в угол темечком, заскрёб подошвами по плитке, и этого мне хватило, чтобы добить его...

Краем глаза я видел, как ещё двое сорвались с дальнего конца коридора. Я понял, что, если сейчас не довести до конца хотя бы остаток изначального плана, нас просто завалят количеством.

Я дёрнул рукой, в которой был привязанный на шнуре телефон, и уже на ходу, почти не глядя, всё-таки добросил приманку туда, куда изначально и собирался. Аппарат ушёл по дуге, стукнулся где-то за поворотом, и через мгновение уже там, в стороне, ударил второй сигнал — тот самый, который был нужен мне.

Сработало.

Да, не так, как я рассчитывал изначально, но сработало. Часть сорвавшихся тотчас дёрнулась на новый звук. Один, уже почти добежавший до нас, рванул головой вбок и пошёл не ко мне, а на дилиньканье мобильного. Ещё один замялся, сбился, дал ту самую долю секунды, которую я и «покупал» с самого начала.

— За мной! Живо! — бросил я, смещаясь в открывшееся окно.

Элина метнулась следом, прикрывая ладонью рот, чтобы случайно не издать звук.

Когда мы вырвались из этого коридорного месива и получили наконец несколько секунд на передышку, я сразу развернулся к девчонке. Элина стояла передо мной бледная, со сбившимся дыханием, в чужих туфлях.

— Что. Это. Было?

Она моргнула, быстро облизнула пересохшие губы и, всё ещё не до конца соображая, насколько дико её ответ звучит здесь и сейчас, сбивчиво выдала:

— Наминалка... автоматическая... на запись... ну, на уход... на салон...

Я смотрел на неё ровно секунду. Мир вокруг уже катился ко всем чертям, а у нас, значит, срабатывали наминалки про уходовые процедуры.

— Прекрасно, — сказал я. — Конец света, а у нас спа по расписанию.

Она, кажется, даже не поняла, шучу я сейчас или уже собираюсь её придушить. Впрочем, это тоже было неважно.

Передышка у нас была крохотная, но даже её хватило, чтобы подумать о следующем ходе. Я сразу осмотрел пространство у выхода. Рядом валялись двое вырубленных сотрудников — то ли свои же их снесли, то ли они просто неудачно встретили новый порядок. Мне было всё равно. Я присел на одно колено, быстро проверил карманы ближайшего и нашёл то, что хотел: ключи от автомобиля.

Я поднялся и коротко встряхнул ключами.

— Нам нужна машина.

— Подожди... — выдохнула девчонка. — Ты вот так заберёшь ключи? Это же полицейский автомобиль...

— Нет, конечно. Я думал дождаться, пока за нами придут.

Элина поморщилась, уловив сарказм, и я сразу продолжил уже по делу:

— Пешком по городу мы далеко не уйдём. Значит, нужна машина. Что не так? Ах да, я забыл, что тебя заберёт твой мужчина...

Я сжал ключи в ладони, перехватил топор удобнее и собрался идти дальше.

— Хорошо оставаться.

— Да подожди ты, Сергей... я с тобой!

Использовать первую попавшуюся служебную машину у нас, конечно, не вышло.

Стоило только выбраться к парковке, как стало ясно: быстрый и аккуратный сценарий, похоже, закончился ещё внутри отдела. А вот снаружи нас уже ждал другой... гораздо менее аккуратный.

Я остановился у выхода из отдела и быстро окинул глазами внутренний двор. Парковка жила по новой, сломанной логике, в которой ещё оставались машины, разметка, фонари и прочие привычные формы мирной жизни. Вот только всё это уже не работало так, как должно.

Между автомобилями метались сорвавшиеся.

Много...

Я сходу насчитал порядка двадцати человек. Они не успокаивались, нервировал их сигнал воющей сирены. В городе явно боролись с напастью не теми средствами, которыми нужно.

Любой прямой рывок к ближайшему авто сейчас превращался в лотерею с очень плохими шансами. А я никогда не любил игры, где ставка — моя голова.

Проблема усугублялась ещё и тем, что служебных УАЗиков на парковке здесь стояло не один и не два. И чёрт его знает, какой из них был мой. Бежать и по очереди тыкаться в каждую дверь было бы слишком тупо даже для такого дня.

Значит, оставался самый быстрый способ узнать правду. Я перехватил ключи в ладони, большим пальцем нащупал кнопку на брелоке и коротко нажал. Если и существовал шанс, что всё пройдёт беззвучно, то в следующий момент он улетучился.

Пискнуло сразу.

Громко, мерзко и абсолютно не вовремя.

Я мгновенно поймал источник звука взглядом. Машина нашлась, мигнув лампочками поворотников. Только стоял УАЗ, как назло, почти в самом конце парковки, за двумя рядами чужого железа...

И это было только полбеды. Потому что сорвавшиеся развернулись на короткий писк.

— Твою мать, — выдохнула Элина у меня за плечом.

— Поздно ругать технику, — бросил я, уже смещаясь в сторону. — Зато теперь знаем, куда бежать. В противоположную сторону, — я кивнул на ворота.

Те оставались закрыты, и, похоже, люди в том состоянии, в котором они пребывали сейчас, благополучно забыли, как пользоваться техникой. Полезное наблюдение, кстати.

— Я... не про это, Сергей... — пискнула Элина.

Взгляд девчонки вцепился в один из автомобилей.

— А про что? — спросил я, хотя ответ уже и так складывался.

Элина даже не сразу смогла сказать. Только вскинула руку, дрогнувшими пальцами указала в сторону серого автомобиля и выдохнула почти шёпотом:

— Это... это его машина.

Я проследил взглядом. Машина как машина: знакомая ей, чужая мне, теперь вдруг стала для неё центром всего мира.

— Твоего мужчины? — уточнил я.

Девчонка отрывисто кивнула в ответ. И я сразу понял, что сейчас происходит в её голове. Для неё это выглядело как шанс. Не абстрактные «службы», которых было не найти днём с огнём, а конкретный человек из её прежней, привычной жизни. Тот, кто в её системе координат должен был сейчас оказаться живым. А ещё уверенным, сильным и, желательно, способным решить всё сразу...

Я не успел ничего сказать, потому что дверь этой машины открылась.

Элина подалась вперёд всем телом ещё раньше, чем из салона показался человек. Но вместо спасателя появился он... уже сорвавшийся.

Лицо было знакомое ей, одежда тоже, машина — тем более, а вот самого человека там больше не было. Он выбрался наружу дёргано, неуклюже, так, будто им управляли не мышцы и привычки, а один только сбившийся в ярость импульс. Голова рванулась в сторону на звук сирены, руки дёрнулись в пустоту, как у сломанной куклы, которая ещё двигается, но уже не понимает зачем. В нём не осталось того самого «своего», которого девчонка уже успела себе вернуть за одну секунду.

— Нет... — выдохнула Элина, и это слово почти развалилось у неё на губах. — Нет, подожди...

Девчонка сделала к нему полшага, ещё не веря глазам и цепляясь за последнюю возможность, что всё это ошибка, недоразумение. Она верила, что он вот-вот встряхнётся, посмотрит нормально, узнает её и заговорит. Люди вообще удивительно упрямо держатся за свой старый мир, даже когда тот уже откровенно гниёт у них на глазах.

Я не тратил время на объяснения. Я видел то, что видел: очередную опасность со знакомым для девчонки лицом. Для меня всё уже было ясно.

— Элина, назад! Не вздумай...

Она не услышала. Или, вернее, услышала, но не приняла. Её взгляд был прикован к мужчине.

Элина сорвалась вперёд, но я среагировал раньше, чем она успела сделать второй шаг.

Рывком схватил её за локоть и сразу развернул себе за спину, закрывая собой и от него, и от остальной парковки.

— Назад, — рявкнул я сквозь зубы.

Но было уже поздно.

— М-а-а-акс!.. — вопль сорвался с губ, и в тишине парковки он прозвучал как выстрел.

Звук отскочил от капотов, проскользнул между рядами машин и разлетелся по двору. Я почти физически почувствовал, как он разбудил всё вокруг сильнее любой сирены и сигналки.

Макс — или то, что от него осталось, — среагировал. Но куда хуже было не это.

Я увидел, как начинают поворачиваться остальные.

Сначала ближайший, мент с расстёгнутой форменной рубашкой у чёрного кроссовера, ещё секунду назад бившийся плечом в дверцу, застыл на полудвижении и медленно повернул к нам голову. Потом второй, метрах в десяти, отлип от мигающей машины и резко развернулся всем корпусом.

За ним третий. Четвёртый.

Дальше — ещё двое.

Как будто кто-то невидимый дёрнул за один общий провод, и вся эта рваная, бешеная масса разом посмотрела на нас.

Элина у меня за спиной со свистом втянула воздух, будто только теперь поняла, что именно она сделала. Я даже не оборачивался. Не было нужды. Я и так чувствовал, как её пальцы вцепились мне в рукав.

— Сергей... — выдохнула она уже совсем другим голосом, голым страхом.

Я крепче перехватил оружие, не сводя глаз с тех, кто уже начинал срываться с места.

— Да, — шепнул я. — Вот теперь побежали по-настоящему.

И в следующую секунду Макс рванул к нам. Элина сообразила, что перед ней уже не её Макс, и молчала.

Я поднял пистолет.

Выстрел был один.

Короткий, точный и окончательный.

Сорвавшийся рухнул сразу.

Элина вдруг застыла у меня за спиной так, будто вместе с выстрелом у неё внутри тоже что-то остановилось.

— Потом спасибо скажешь, — процедил я. — Если переживёшь сегодняшний день.

Она ничего не ответила. Девчонка смотрела туда, где только что кончилась её прежняя жизнь. В этот момент слова до неё всё равно доходили бы медленнее, чем опасность.

Я дал ей ровно секунду.

Потом сдвинулся, снова закрывая её собой. Ближайшие твари, ещё секунду назад рвавшие когти в нашу сторону на её крик и на выстрел, вдруг рванули к упавшему. Сработал примитивный закон этого нового дурдома: свежий звук, резкое падение, движение на земле — и их внимание переключилось туда, где раздражитель был ближе и понятнее. Один кинулся первым, второй почти сразу, за ним дёрнулись ещё двое.

— Тише... тише... тише... — доносилось со всех сторон.

Элина дёрнулась было, но я вскинул свободную руку, не давая ей сорваться с места.

— Стоять, — процедил я. — Замри.

Она послушалась. Молодец. То, что ещё недавно казалось бы безумием, теперь работало исправно. Мы застыли между машинами, не производя больше звуков, и твари мигом потеряли к нам интерес. Для сорвавшихся мы перестали быть главным раздражителем. Упавший собрал на себя весь их сбившийся, голодный фокус.

Я подождал ещё одну короткую секунду, проверяя, не сорвётся ли кто-то обратно на нас, потом едва заметно качнул головой.

— Пошли, — скомандовал я.

Только теперь Элина, будто вышибленная из ступора этим коротким приказом, наконец выдохнула. Голос у неё был хриплый, почти чужой.

— У меня... есть машина.

Я уже смеялся вдоль ряда, используя кузова как прикрытие, и коротко спросил:

— Где?

Элина быстро подняла руку и показала в сторону выхода.

— Там... снаружи отдела. Я сегодня не на служебной приехала... Поставила ближе ко входу. Там, у края... — сбивчиво говорила она.

Я проследил взглядом и увидел её машину.

И, честно говоря, на секунду даже оценил иронию момента. Это был Mercedes Smart — крошечная, почти игрушечная городская коробочка. В нормальной жизни такая раздражает одним своим видом всех мужчин, привыкших считать машину продолжением характера.

На фоне орущей парковки, сорвавшихся, крови и рухнувшего мира этот малыш смотрелся особенно издевательски. Настоящий геройский транспорт конца времён, ничего не скажешь.

Я скользнул по ней взглядом ещё раз и хмыкнул:

— Серьёзно?

Элина, кажется, даже обиделась бы, если бы у неё ещё оставались силы на такие роскоши.

— Это моя машина, — выдохнула она. — И она стоит ближе всех.

Я кивнул.

— Ладно. Скромно, зато ездит.

— Вообще-то она электрическая, Сергей... ну, электрокар.

Это сейчас было главным. Электрический двигатель не создавал шума, так что про игрушку беру свои слова обратно.

Мы быстро двинулись к автомобилю, пользуясь тем, что основная стая ещё держалась на упавшем и на том хаосе, который возник вокруг него. Я шёл первым, Элина держалась рядом. Пару раз кто-то из сорвавшихся дёргался в нашу сторону, но тут же снова терял интерес — мы двигались тихо, низко.

До машины добрались быстрее, чем я ожидал.

— Ключи давай, — распорядился я.

Девчонка тотчас передала мне ключи трясущимися руками. Я открыл автомобиль, дёрнул дверцу пассажирского сиденья и кивнул Элине внутрь.

— Садись.

Она юркнула на место, а я тут же обошёл капот, сел за руль и захлопнул дверцу. Металл сразу отрезал часть уличного шума, и у нас появилась хотя бы секунда не покоя — до покоя было как до Луны пешком, — а нормального, короткого обзора изнутри.

Я сразу посмотрел через лобовое стекло на улицу перед отделом и дальше, туда, где по логике вещей уже должно было твориться что-то организованное. Если бы система работала, к зданию уже подвалили бы машины, пошло бы оцепление, высыпали бы люди. Связь, команды, жёсткая, пусть нервная, но понятная реакция.

Этого не было.

К отделу никто организованно не шёл.

Где-то вдаль по-прежнему слышались сирены, иногда хлопали одиночные выстрелы. Город шумел, мигал, дёргался, но всё это уже не складывалось в систему.

И главное, похоже, там наверху ещё не понимали самого простого: их сирены сейчас работали не как помощь, а как приманка. Они продолжали заливать улицы шумом в мире, где шум уже стал оружием против тех, кто не сорвался. А много ли было таких, последних? Вопрос, на который пока не было ответа.

Я перевёл взгляд на Элину. Она сидела, вцепившись в руль.

— Слушай внимательно, — сказал я.

Девчонка медленно повернула ко мне голову. В её взгляде заплаканных глаз уже не осталось ни прежней обиды, ни глянцевої спеси, ни привычки спорить из позиции «вообще-то». Остались только понимание и принятие новой реальности.

— Никто нас сейчас не спасёт. Значит, спасать себя будем сами. Едем к военным.

— К военным?.. — переспросила она хрипловато.

— Да, — ответил я. — Если в этом городе у порядка ещё остались зубы, они, скорее всего, там.

Элина на секунду закрыла глаза. Ничего не сказала. И этого, честно говоря, было более чем достаточно.

Для Элины это, возможно, звучало как отчаянная ставка на последних людей с оружием. Для меня — нет. Я ехал туда не потому, что вдруг уверовал в чудесное спасение от государства. Мне нужна была не казарма и не чужой автомат на посту.

Мне нужна была связь.

Если где в этом городе ещё и мог уцелеть порядок, то только у военных. А значит, там ещё оставался шанс выйти на нужную частоту и пробиться выше — к моему руководству, возможно способному хотя бы понять, что именно началось.

Мысль мелькнула быстро. Если повезёт, я достану эфир. Если очень повезёт — услышу в ответ живого человека, который ещё держит управление. А если нет — значит, будем строить порядок с того, что осталось под руками.

Следом, как всегда в такие моменты, память попыталась подсунуть другое: лица тех, с кем мы влетели. Наш борт, тот проклятый перелёт, после которого всё пошло к чёрту не по правилам. Где они сейчас, что с ними, выкинуло ли их так же, как меня, или кому-то повезло меньше, я всё равно сейчас не мог проверить. И не имел права на этом зависнуть. Каждый из них не был тепличной куклой. Все битые, с опытом. Каждый умел держаться и без няньки. Если кто-то из них жив, он уже делает то же самое, что и я: не ждёт, пока мир соберёт себя обратно, а выживает, считает ресурсы и ищет связь.

Я сжал руль крепче и отбросил лишнее. Думать о своих буду тогда, когда у меня появится чем им помочь. А пока — только дело. Сначала добратся. Потом эфир. Потом уже всё остальное.

Я вставил ключ, повернул его, и двигатель отозвался почти неслышно. Для такой крошечной машины это сейчас было почти благословением: мотор работал тихо, и ближайшие твари не среагировали на нас так, как среагировали бы на более тяжёлую, громкую тачку.

Я взялся за руль, но не тронулся сразу. Сначала ещё раз окинул взглядом двор через лобовое стекло, проверяя, не дёрнулся ли кто-нибудь на почти бесшумный запуск, и только потом перевёл взгляд на Элину. Она сидела, вжавшись в кресло, с побелевшими пальцами на коленях, и дышала часто, до сих пор не веря, что мы вообще успели захлопнуть двери раньше, чем вся эта дрянь полезла к нам в салон.

— Слушай внимательно, — сказал я тихо, но жёстко. — С этого момента говорим только по делу. Коротко. А лучше вообще молчим.

Она моргнула, вскинула на меня глаза и хрипло переспросила:

— Совсем?

— Лишний звук теперь стоит слишком дорого.

Элина судорожно сглотнула, быстро обернулась на двор, где между машинами ещё дёргались сорвавшиеся, и выдохнула почти шёпотом:

— Молчуны... Господи... Они и правда на всё идут, что звучит...

Я коротко повернул к ней голову.

— Молчуны?

Она кивнула, сама, кажется, не до конца понимая, откуда это уже взялось у неё в речи.

— У нас... пока ты там был... уже начали так говорить. В коридоре, в дежурке... Кто-то сказал, и прилипло...

— Логично, — сказал я. — Значит, молчуны. Теперь запоминай. Если я говорю «вниз» — падаешь ниже стекла и не споришь. Если я говорю «замри» — замираешь. Если видишь движение справа или слева — просто показываешь рукой. Вот так.

Я коротко обозначил жестами: налево, направо, стоп.

Элина смотрела на меня как на единственного человека в этом городе, у которого пока ещё был хоть какой-то порядок в голове.

— А если... если они подойдут совсем близко? — спросила она еле слышно.

— Тогда делаешь то, что скажу, — отрезал я.

Элина медленно кивнула.
Я ещё раз проверил выезд и добавил:
— Поехали.

Глава 6

Я вывел Smart со двора отдела осторожно, почти на холостом ходу. Машинка шла тихо, электромотор только тонко посвистывал где-то подо мной.

Ростов встретил нас так, словно первый удар уже прошёл и город успел застыть в том положении, в котором его прихлопнуло. Дорога впереди стояла мёртво. Машины тянулись рядами до самого поворота, дальше терялись между домами, и конца этому железному хвосту видно не было. У одних дверцы остались распахнутыми настежь, будто люди выскочили на секунду и собирались тут же вернуться. У других капоты были смяты, стёкла осыпались на асфальт, редкие водители висели на рулях, как куклы в витрине после закрытия магазина.

В стороне орала сирена. К ней видимо и потянуло остальных водителей и их пассажиров — быстро, дёргано, с той самой звериной целеустремлённостью, которую я успел выучить за последний час.

Элина прижала ладонь к стеклу и тихо сказала:

— Господи...

Я взял левее, объехал брошенный кроссовер, ткнувшийся носом в автобус, и ещё сбросил ход. На широкой улице делать было нечего.

Здесь любой сигнал, даже дурацкая автосигналка собирали вокруг себя толпу быстрее, чем раньше собирали зевак на драку.

— Туда точно не полезем, — я кивнул на впереди застывший поток.

Я взял к обочине, втиснулся между брошенной «Киа» и фургоном. Там начинался двор, проезд между домами и узкая улица с редкими машинами и пустой детской площадкой.

Я повернул туда. Smart скользнул во двор легко, почти бесшумно, и городской гул сразу остался где-то сбоку, за коробками домов.

Во дворах всё выглядело пугающе пусто. Качели стояли неподвижно. На лавке валялась чья-то сумка. У подъезда на асфальте лежал какой-то огромный желтый самокат явно не детского размера. Окна вокруг были тёмные. Мой взгляд скользнул по большим рекламным щитам. И я не сразу сообразил, что это не просто щиты, а огромные плоские экраны с видео-рядом... цивилизация блин. Сколько ж такие стоят?

Экраны горели на фасаде дальнего дома и крутили какую-то рекламу. Правда уже без смысла, как если бы сам город продолжал бубнить по привычке, когда слушать его больше было некому.

Элина смотрела в окно, будто искала знакомое место и никак не могла поймать его глазами.

— Ростов вроде, — прошептала она. — И как будто уже не он.

Я ничего не ответил. Провёл взглядом по домам. Они полезли вверх, стекло на стекле, вывеска на вывеске, подсветка, камеры, шлагбаумы... всё сияло, мигало, пиликало и жило своей жизнью. Вот только в итоге подложило людям свинью по всем направлениям сразу. В девяносто девятом город был куда проще, грубее и беднее. И я свой родной Ростов узнавал с трудом.

Я хмыкнул и свернул к узкому проезду между двумя домами.

— Раньше тут железа было меньше, — сказал я. — Меньше экранов, меньше автоматики, меньше поводов, чтобы весь город сошёл с ума из-за каждого писка.

— Давно не был в городе?

— Давно... последний раз в девяносто девятом.

Девчонка покосилась на меня, видимо прикидывая, сколько лет на тот момент мне было.

— Маленький совсем переехал?

Я помолчал.

— Потом расскажу. Сейчас смотри по сторонам. Нам нужны проезды через дворы.

Элина еще пару секунд смотрела на меня, но потом вернула взгляд на дорогу. Я видел, что ей хочется поговорить и хотя бы так, но снять напряжение. Но сейчас было не до разговоров.

Через минуту она уже показала рукой вправо.

— Там арка. Дальше маленькая улица и ещё двор. Если не перекрыто, можно проехать.

Я на секунду моргнул дальним в сторону арки. На земле валялся мусорный бак, рядом торчал брошенный скутер, сам проезд был узкий, но для Smart хватало.

Я подъехал ближе и опять остановился, прислушиваясь. Где-то далеко ещё визжала сирена.

— Сергей, — спросила Элина, — а если там тоже есть эти...

— Есть, — согласился я.

Девчонка сглотнула и кивнула. По хорошему следовало объехать, но проезд был всего один. Smart юркнул в арку. За аркой открылся ещё один двор — тесный, заставленный машинами, с мусорными контейнерами у стены и вывеской круглосуточной аптеки на углу. Аптека была заперта. У крыльца лежал человек в куртке охранника.

— Куда мы едем? — спросила Элина, поживившись от вида мужчины.

— Пока в сторону военных. Потом по обстановке.

— Если там тоже всё... Ты вообще боишься? Честно? Я с трудом сдерживаюсь чтобы на разрыдаться.

Элина отвернулась к окну, принявшись размахивать ладонями, чтобы не выпустить слезы. А я вывел Smart из двора на следующую тихую улицу и чуть прибавил газу. Сирена продолжала реветь, и самое паршивое — с каждой секундой звук только приближался.

Ростов мелькал по сторонам знакомый и чужой сразу: старые дома прятались за новыми фасадами, киоски сменились стеклянными коробками. Теперь весь этот блестящий удобный город работал против своих.

Я крепче сжал руль, выбрал ещё один поворот и повёл машину туда, где было тише. Именно в тишине у нас пока оставался шанс. Но дальше город снова показал зубы. Далее по дворам было уже не проехать — проезд вел в тупик. А как только я выкатился к выезду между двумя домами, то сразу ударил по тормозу... сука!

Впереди, над самой дорогой, на металлической консоли висел городской громкоговоритель. Из него и лился протяжный вой сирены.

Под столбом уже собралась толпа. Плотная, вязкая, скомканная в одну шевелящуюся массу. Молчунов тянуло к источнику, и вся эта куча медленно, упрямо лезла вверх. Кто-то карабкался по дорожному ограждению, кто-то вставал ногами на капот брошенной легковушки, кто-то цеплялся за спины впереди. Один сорвался вниз, ударился плечом о стойку светофора и тут же исчез под ногами других. По нему полезли дальше, как по мешку с тряпьем.

Элина выдохнула сквозь зубы:

— Твою мать...

— Пригнись, — рявкнул я.

Она послушно вжалась ниже, а я отъехал назад и встал за фургон, чтобы с перекрёстка нас не было видно целиком. Сам остался смотреть в щель между кузовом и углом дома. Оттуда всё было видно как на ладони.

Теперь стало понятно почему целый городской квартал опустел. Все зараженные были здесь — возле столба с сиреной. Толпа нарастала снизу вверх. Вся эта живая куча дёргалась рывками, толкалась, лезла, соскальзывала и снова наваливалась. Сверху кто-то уже достал до консоли и повис на ней обеими руками. Металл прогнулся. Громкоговоритель качнулся, сирена на секунду захлебнулась, потом опять взвыла с той же дурной настойчивостью. Ещё двое вцепились выше, ещё кто-то полез им под ноги, и вся конструкция пошла вниз с мерзким скрежетом.

— Сейчас сорвут, — сказал я.

— Отъедем? — быстро спросила Элина.

— Поздно. Смотри.

Крепление не выдержало. Громкоговоритель сорвало резко, вместе с куском кронштейна. Он рухнул вниз прямо в толпу. Звук сирены оборвало, и на перекрёстке вдруг стало тихо.

На миг всё правда замерло.

Толпа снизу будто ослепла. Те, кто ещё секунду назад перли вверх, застыли с поднятыми головами. Несколько человек нелепо качнулись на месте, кто-то разжал пальцы и съехал по чужим плечам. Казалось, что сейчас вся эта человеческая масса просто осядет, расползётся по асфальту и выдохнется.

Элина прошептала:

— Всё?..

— Не похоже, — ответил я.

Первым дёрнулся тот, что стоял ближе всех к упавшему динамику. Он нагнулся, рванул его двумя руками, словно хотел выдрать из мёртвого железа остаток звука. Потом другой толкнул его в спину. Третий ударил плечом сбоку. Через секунду вся куча опять пошла вразнос. Они тыкались друг в друга, натывались на машины, сами же создавая шум и сами де на него реагируя.

Перекрёсток захлебнулся в новом месиве, только теперь оно стало ещё хуже: раньше их тянуло в одну точку, теперь эта стая потеряла узду и начала искать во чтобы вцепиться дальше.

Я увидел, как один молчун резко вскинул голову на дребезг жалюзи рекламного щита у остановки. Другой тут же пошёл за ним. За ними рванули ещё трое, и через пару секунд уже половина кучи устремилась в ту сторону, ломая друг друга о бордюр и капоты. Один залез на крышу такси и начал бить ногами по светящемуся коробу, пока пластик не лопнул с сухим треском.

Я быстро глянул по сторонам. Справа шёл широкий выезд к проспекту — это точно мимо. Там не проехать из-за застрявших машин. Слева же уходила узкая улица вдоль старой пятиэтажки, но выезд на неё перекрывал скошенный автобус, а вокруг него как раз и шевелились молчуны.

— Уезжаем? — с надеждой спросила Элина.

— Да, — я указал на узкую улочку. — Через тот проезд и дальше вглубь.

Девчонка не успела испугаться, как один молчун ударил по капоту внедорожника. В ответ сработала сигнализация. Резкий писк прорезал воздух, и толпа тут же переломилась в ту сторону. Полтора десятка тел дёрнулись почти одновременно и полезли на машину с такой злостью, будто внутри сидел их личный враг.

— Сергей, смотри! — выпалила Элина.

Слева, у края перекрёстка, из перевёрнутой маршрутки выбрался мужчина. До этого он, видимо, лежал внутри и решил, что после обрыва сирены у него появился шанс. Он спрыгнул на асфальт, пробежал три шага и неудачно подвернул ногу. Из его рта донесся всхлип боли... Мужик иут же встал как вкопанный, прижимая рот ладонью и вся живая масса на перекрёстке разом повернула головы на новый звук.

Это произошло мгновенно. Ещё секунду назад молчуны давили друг друга у мигающей машины, лезли на капот, рвали пластик, а потом будто кто-то дёрнул за один общий поводок. Десятки тел переломились в движении одновременно. Передние рванули первыми, за ними пошли остальные, и вся эта куча, живая, плотная, сшитая одним раздражителем, покатила в сторону маршрутки.

— Беги, идиот, — процедил я.

Мужик у маршрутки дёрнулся назад, поскользнулся на стекле, впечатался спиной в перевёрнутый борт и полез обратно через разбитое окно. Жить хотел. По-настоящему.

— Чёрт, — выдохнула Элина.

Толпа долетела до маршрутки через секунду. Удар пришёл в борт такой силы, что кузов качнулся и глухо лязгнул. Молчуны облепили машину сразу с нескольких сторон, полезли на всё, что ещё звенело, мигало и дышало, застучали ладонями, плечами, ногами по железу, по стёклам, по дверям. Кто-то ухватился за край разбитого окна, куда только что нырнул мужчина, кто-то полез сверху, а кто-то начал рвать резину уплотнителя, чувствуя, что добыча там, внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.